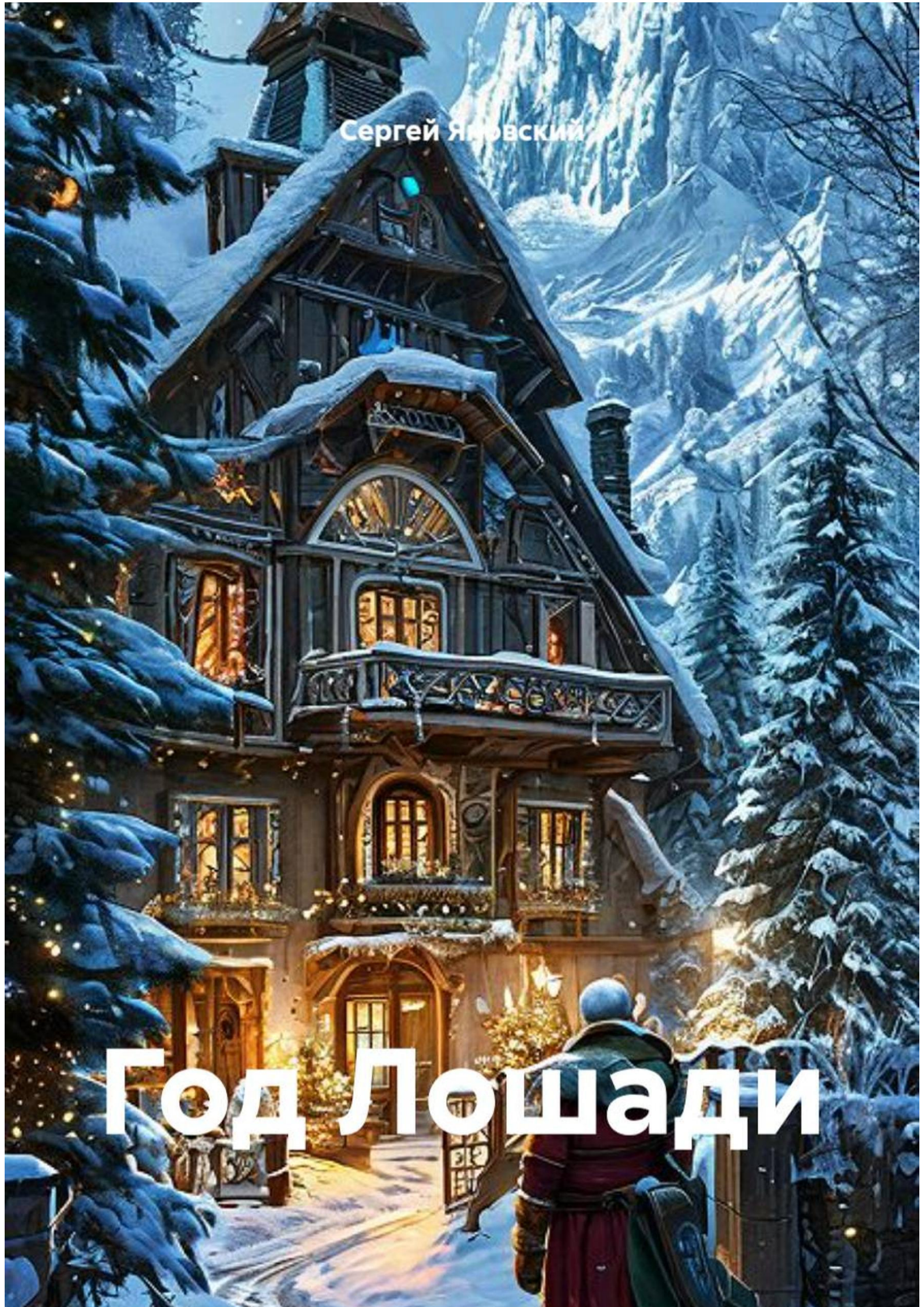

Сергей Яковский

Год Лошад

Сергей ЯНОВСКИЙ

Год Лошади

«Автор»

2026

Яновский С.

Год Лошади / С. Яновский — «Автор», 2026

Простой вечер перед Новым годом полностью меняет жизнь главного героя. Он узнает о существовании мира Хранителей времён года и порядка. Ему придется не раз отправиться в параллельные миры, выжить в битвах с ведьмой и спасти главный дух Зимы.

© Яновский С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Яновский

Год Лошади

Год Лошади.

Глава 1.

...Может ли кому-то быть приятен дождь за окном, когда на календаре 1 декабря? Мне это явление начисто испортило настроение, которое и без того не было хорошим. Оставался месяц до Нового Года. Очередного скучного и унылого отмечания этого праздника. Так уж сложилось, что для меня это событие лишь однажды было весёлым, когда отмечал его с братом моего деда. Это был первый и последний раз, когда я общался с ним. Через полгода, накануне моего летнего приезда, дед Витя просто лёг спать. Лёг в хорошем настроении, весь вечер перед этим он шутил, перед сном взял со стены гитару, хоть никогда толком и не умел играть на ней. Как вспоминала потом баба Даша, его жена, казалось, он хотел за этот вечер успеть всё, словно знал, что он – последний. Утром он был уже мёртв. Просто лежал на кровати, глядя в потолок и улыбаясь. Словно увидел кого-то, кому очень обрадовался. Но был уже мёртв, и явно не один час.

Наверное, именно эти воспоминания и натолкнули меня на мысль снова отправиться в небольшой городок, где до сих пор жила баба Дарья. Почему-то зима всегда была для меня не самым лучшим временем года, вгоняющим меня в депрессию. Хотя, если вдуматься, причины тому весьма понятны. Уже через восемь месяцев после моего рождения родителям стало ясно, что я никогда не стану спортсменом. Да и надежды на то, что я просто буду ходить, было не так много. Моя левая нога изначально никак не хотела меня слушаться, а если и начала это делать, то с огромным опозданием. В детский сад я не ходил, поскольку ходить куда-либо, пусть и со страшной хромотой, начал только в четыре с половиной года. Бегать, пусть и еле-еле, я начал и вовсе только в девять лет. И то, благодаря конезаводу из соседнего города, куда меня с семи лет возили как на работу. Так что, когда мои ровесники зимой бегали на лыжах, катались на коньках или санках – мне оставалось лишь смотреть за этим со стороны. Где уж тут не впасть в депрессию? Наверное, единственное, что было положительного во всей моей «истории болезни», это то, что на лошади я езжу лучше многих совершенно здоровых людей. Правда, в школе я тоже не учусь, благо, что вырос в семье учителей уже неизвестно, какого поколения.

Приближался год лошади, моего любимого животного. Каждый Новый год я отмечал с родителями, дедушками, бабушками. Друзей никогда не было, брат был старше на пять лет и уже учился в институте в другом городе. Да и раньше мы не так много общались. Он с детства был спортсменом, всё время пропадал в секциях, на соревнованиях, в походах, я же – дома с книгой в руках. У него всегда была куча друзей, я ими особо не обзавелся даже в Интернете. Не было общих тем. Да и откуда им взяться? Я нигде не был, ничего в жизни не видел, что я мог обсудить с ними? Не скажу, что отмечать все праздники с взрослыми было веселее, но с ними мне было проще найти общий язык. Хотя по стопам родителей пошел именно брат, он будущий учитель физкультуры.

Наверное, понимая, что спортсменом мне никогда не стать, и что от скуки я невольно перечитаю всю домашнюю библиотеку, родители уже на третий день после рождения нарекли меня Соломоном. Видимо, узнав мой диагноз, они сразу поняли, что мне только и остаётся наращивать мозги – моим мышцам это явно не грозило.

Зачем я ехал? Хм, проще будет начать немного издалека. Я не зря упомянул тот Новый Год, последний для деда Вити. Первое моё впечатление о нём было примерно такое: вечно молодой. Если не сказать, ребёнок пенсионного возраста. Он казался чудаковатым, странным. Всё время шутил, хотя некоторые его фразы тогда были для меня совершенно непонятны.

Основной темой его разговоров была магия, какая-то своя, особая, странная и непонятная никому. Никто из взрослых уже давно не воспринимал его шуток всерьёз, да и его самого – тоже. Собственно, когда мой дед, старший брат деда Вити, умер, наши семьи много лет не общались вообще. Но так уж сложилось, что за две недели до праздника дед Витя сам всех обзвонил и позвал к себе. В его огромной квартире могли поместиться все многочисленные родственники, но приехали всего две семьи – мы и сын деда Вити с женой и детьми. Мой отец вообще человек сердобольный, наверное, кроме него про дедовского брата эти годы никто и не вспоминал вовсе. Отказаться показалось некрасиво. Поначалу, я ту поездку воспринял без энтузиазма, решив, что это будут очередные скучные посиделки. Не знал я, как сильно ошибался...

Уже после полуночи, встретив Новый Год, когда все собирались спать, отец посмотрел в окно и с сожалением заметил:

- А снега снова нет. Что-то совсем зимы хилые стали. Да и прогноз обещает, что весь январь будет со слабыми морозами и частыми оттепелями.

- Плюнь ты на эти прогнозы! – Воскликнул тогда дед Витя, чья улыбка напоминала такую у сумасшедшего, - Хочешь, завтра уже снег ляжет? Утром проснёшься – и в снежки играть пойдёте?..

Его сын тогда лишь махнул рукой и ушел спать, а мой отец, как более корректный, уклончиво ответил:

- Ну, хотелось бы верить, но, боюсь...

- А ты не бойся! Сейчас, при тебе! Сколько лет я вас ждал! – Он схватил ножницы и... стопку белых салфеток, - Сейчас, увидишь! Сколько лет не получалось, но сегодня дом мой полон, жизнь в него пришла, есть у меня силы чудо вам показать!..

Он с азартом принялся кромсать ножницами салфетки. Делал это так ловко, что движениям его пальцев и опытный фокусник позавидовал бы. Он вырезал обычную снежинку, которыми раньше часто украшали окна на новогодние праздники. Только узор был причудливый – снеговики, ёлки, даже силуэт Деда Мороза на одной из «снежинок» угадывался легко.

- Три месяца зимы, и снежинок три, - Бормотал дед Витя, прилаживая их на окно. Снежинки он с помощью белого пластилина прилепил одна на одну, все три на одну точку на стекле. Затем посмотрел на нас и улыбнулся: - Снег завтра ляжет!..

Затем он положил поверх снежинок ладонь, пару секунд подержал её, как вдруг отпрянул от окна, словно его каким-то невидимым ударом отбросило назад. Казалось, он резко отдал ей часть себя, часть своей энергии. Постояв еще пару мгновений, он уже без особого азарта пожелал всем приятных снов и лёг спать. Легли и остальные. Сон в ту ночь легко свалил меня, но уже в четыре часа утра, когда дом был тих и безмолвен, я проснулся от дикого воя на улице. Был ветер. Сильный, лютый ураганный ветер. Его порывы сотрясали дом, казалось, что крышу уже давно оторвало и скоро снесет потолок над моей головой. Понял я и то, что у меня замёрзли нос и уши, хотя с вечера в доме было жарковато – баба Дарья с котелком перестаралась.

Поняв, что под одним одеялом до утра я рискую превратиться в кусок льда, я в ту ночь спустился в гостиную, где и висела «снежинка». Там лежал хороший плед, который я хотел унести к себе и положить поверх своего одеяла. Когда я уже взял плед под мышку, в гостиную вошел дед Витя. Увидев меня, он кивнул на окно и сказал:

- Воевода пришёл! Смотри, как метёт!..

Я посмотрел за окно и прифигел: вместо раскисшей грязи и луж вокруг всё было засыпано снегом. И, судя по узорам на стёклах, при этом еще и ударил хороший мороз.

- Какой воевода? – Не понял тогда я, хотя зрелище за окном завораживало.

- Мороз! – Зычным голосом сказал дед Витя, - Если увидишь его шествие во сне – расскажи мне об этом утром.

- Ладно, - Не вполне понимая, о чём вообще речь, согласился я и ушел в свою комнату. Несмотря на то, что сон после разговора с дедом как рукой сняло, отключился я почти мгновенно, едва снова моя голова коснулась подушки. И я увидел воеводу. Его можно было принять за Деда Мороза в синей шубе и с посохом. Только на доброго старичка он не был похож! Это был огромный мужичище со свирепым выражением на лице, пробивающий себе дорогу тяжёлым белым посохом. За ним шли вовсе не Снегурочки, а, скорее, озверевшие снеговики – наверное, они были из снега. Это были такие же огромные человекоподобные монстры, вокруг которых кружилась метель. И всё это войско шло к нам, заметая снегом города и веси. Мороз зычным басом гнал их вперёд, его снежные воины с воем и свистом шли за своим воеводой, готовые снести всякого, кто встанет на их пути.

Утром в гостиной все сидели молча. Только радиоприёмник возвестил о том, что вопреки всем прогнозам, в регион пришел страшнейший арктический циклон, засыпавший всё снегом. Дед Витя с выражением полного счастья смотрел на царящие за окном сугробы, а отец с досадой в голосе заметил:

- Вряд ли 1 января кто-то будет чистить дороги. Разумнее будет остаться здесь до вечера...

- Конечно! – Воскликнул дед, - Удумали они ехать! Сегодня я вас по окрестностям проведу, городишко у нас хоть и крохотный, но красивый!

Родители особой радости не изъявили, мне же стало интересно. К тому же, скорость ходьбы у чуть хромающего деда Вити обещала не превышать мою. Так что, эту прогулку мне явно не предстояло с трудом за кем-то поспевать. Всё было завалено снегом, идти по сугробам было непросто, благо, что двигались мы с черепашьей скоростью. По пути нам встречались редкие дворники, пытающиеся разгрести завалы. Один из них крикнул:

- Витя, опять за старое взялся! По прогнозу сегодня плюс три было, никакого снега! А теперь как сумасшедших на работу выгнали!

- Сумасшествие – тепло зимой, а остальное – норма! – Отмахнулся дед Витя, продолжая идти дальше.

Когда мы дошли до железнодорожных путей, дед остановился и объявил:

- На этой железной дороге я всю жизнь и проработал! – Он прошел через сугробы и вышел на кое-как расчищенный от снега перрон. – Вокзал! Магическое место, сколько энергии, сколько людей и судеб через него прошло. Много легенд про него ходит! При мне только двое под поезд бросались. Одному было лет семьдесят, говорят, один он жил, всё на тот свет хотел, к своим, а смерть никак не приходила. Машинист его едва заметить успел, да поздно было, снёс дедушку насмерть сразу. Совсем ушёл, а второй, молодой совсем парень был, умирал долго, его поезд только вскользь зацепил. На моих глазах он под поезд бросался, в последний момент закричал, испугался! Попытался остановиться, но зима была, лёд под ногами оказался, понесло его. Он об борт проходящего вагона ударился, на перрон его отбросило. На «Скорой» еще живого увозили, но в больнице умер. Глупая смерть! Девка его из армии не дождалась, вот и решил с собой покончить. Потом, наверное, одумался, о матери вспомнил, да поздно было. Наверное, потому и не успокоился, понял в последний момент, что здесь еще нужен...

- Что значит, не успокоился? – Не понял я тогда.

- Скажи мне, ты в призраков веришь? – Посмотрев по сторонам, спросил дед.

- Верю. – Не задумываясь, ответил я. Когда прочитаешь о них сотни полторы книг и энциклопедий – где уж тут не поверишь? Мистика из всех жанров казалась самой интересной. Не ужасы, где всех просто так убивают и режут без разбора, а именно мистика, где порой всё остаётся не ясным до самого конца. Да и после прочтения книги остаётся в голове вопрос: а всё ли это?..

- Знаешь, много их здесь, в городе нашем. Их везде много, но многих из наших я знаю много лет. Парень тот часто сидит здесь, плачет он. Застрял в этом мире... - Дед тяжело вздохнул, - Жаль его...

Он помолчал и предложил:

- Оставайся у нас на каникулы.

- Я не учусь в школе, каникулы у меня имеют символическое значение и сроки. - Хмыкнул я, - Дед Витя, а мы можем увидеть призраков?..

Он задумчиво посмотрел и ответил:

- А вот останешься – вечером и увидишь!

Глава 2.

Родители меня не хотели оставлять. То, что деда Витю они считали наполовину сумасшедшим, мне и так было понятно, хоть вслух этого никто не сказал. Но у меня был козырь – недостаток общения, - которым я и стал размахивать. Сказал, что мне хочется хоть на неделю полностью сменить обстановку, пожить практически в деревне. Городок маленький, сам дед разводил кроликов, коз, голубей, в доме жила старая кошка, а во дворе лаял огромный лохматый пёс. У нас же из животных были только рыбки – гипоаллергенно, безопасно, бесшумно, безжизненно и неинтересно...

В итоге, к вечеру родители уехали, дед же сказал собираться.

- Куда ты его тащишь на ночь глядя? – Насторожилась тогда баба Дарья.

- Погулять по вечернему городу, достопримечательности показать. - Ответил тот, замахивая свой вязанный красно-черный шарф.

- Какие достопримечательности? Потрескавшийся памятник Ленина и кособокую новогоднюю ёлку на площади? Или вокзал наш, немцев еще помнящий? Или «жителей» этого вокзала? – Последнюю фразу она сказала совсем недобро, но дед ловко ухватил меня за капюшон и утащил в коридор.

- Знает она мои тайны! – Вздохнул дед, сбегая по ступенькам, - И потому не хочет, чтобы я кого-то научил всему, что знаю сам!

Мы шли по улице, которую другие пешеходы уже немного утоптали за день. Шли довольно быстро, что для меня самого уже не вполне обычно. Дед же говорил без остановки, словно давно ждал этого момента. Порой, не глядя на него, я забывал, что говорю с человеком, справившим шестьдесят. Казалось, что я вот так запросто сейчас говорю с ровесником.

- Наш мир не так прост, как всем кажется. Есть очень много того, о чём мы либо не знаем, либо и знать не хотим. Впрочем, пока это не увидишь – не поймёшь!..

Мы пробрались по сугробам до перрона, дед прошел до присыпанной снегом скамейки и сел на нее, не удосужившись даже смахнуть этот сугроб. Положив руки в карманы, он заговорил:

- Ты помнишь свой сон? Ты ведь видел Воеводу? Не знаю, веришь ли ты в то, что я сумел вызвать это всё, но как минимум, совпадение странное, ты согласен?..

Я кивнул.

- А чтобы твои сомнения отпали совсем – посмотри налево! – И он указал во тьму, куда почти не доставал свет фонарей. Не сразу мне удалось заметить полупрозрачный силуэт. Он неподвижно стоял на краю перрона и лишь как-то странно покачивал головой.

- Поезда ждёт, хочет на тот свет уйти, думает, что со второй попытки получится. Он так до конца и не понял, что с ним произошло. Иногда пытается заговорить с прохожими, но энергии его на это не хватает, люди слышат какой-то шепот – и всё, тишина!..

Он спокойно говорил об этом, я же осторожно крался в сторону самого настоящего привидения. Видя его, я понял, что читать о них и увидеть на самом деле – две большие разницы! Я подходил всё ближе, но призрак на это не реагировал. Он лишь вертел головой и стоял на месте. Когда вдалеке показался поезд, нас разделяли всего пара шагов. Дед стоял у меня за

спиной, отчего мне было спокойно. Казалось, он прекрасно понимал, как общаться с призраками. Наверное, именно по этой причине ему было непросто находить общий язык с живыми.

- Сейчас всё снова повторится. – Вздохнул дед, а фантом повернулся к нам. Сквозь него я видел рельсы, идущий к нам поезд. Дед потянул меня за рукав подальше от края перрона, призрак потерял к нам интерес и с криком шагнул на рельсы. Растаял он даже раньше, чем поезд дошёл до него. Нас обдало холодным воздухом, поезд поднял небольшое облако снежной пыли, которое витало в воздухе еще какое-то время. Когда мы видели вдалеке лишь последний вагон, дед вздохнул: - Я пытался ему помочь. И заупокойную в церкви заказывал, и перрон святой водой обрызгивал – не уходит он! Его мать уж давно на том свете, а он всё поезда ловит. Не знаю я, что его тут держит...

Дед встал со скамейки, отряхнулся от снега и повел меня обратно, домой. Но по пути мы зашли в сарай, он хотел показать мне свою живность. Старый Лаврик, увидев хозяина, забыл о том, что он грозный сторож и преданно завилял хвостом.

- Надеюсь, что он умрёт раньше меня – для пса это будет сильный удар. – Вздохнул дед, отпирая сарай и отыскивая на стене выключатель.

Сарай уместил бы, наверное, и парочку слонов, но жили в нём только пяток коз, да десятка два кроликов, сидящих по клеткам. Одноглазый петух и три курицы сиротливо сидели на стенке большого загона, служащей им насестом.

- Старые они уже, почти и не несутся, да рука на них не поднимается. – Дед погладил ярко-красного петуха, тот лишь лениво посмотрел на меня и снова прикрыл свой единственный целый глаз. А дед пояснил: - Года три назад соседи еще кур держали, вот наш воин с их задирой и сцепился. Что с ним – сам видишь. Тому досталось сильнее – его пришлось отправить в суп.

- А кто жил в этом загоне? Лошадь?.. – Поинтересовался я, заметив краем глаза на стене стремени и вожжи.

- Одиннадцать лет назад жила. – Кивнул дед, - Только оседлать ее никто так и не смог! Не понял даже я, с кем имею дело. Но она, по-моему, не в обиде на меня.

- А где она, продали?

- Нет, просто ушла, шатается где-то по городу нашему вечерами, иногда приходит сюда. Где днём – один Бог знает.

Наверное, по моему лицу дед понял, что мне вообще ничего не понятно.

- Соломон, не беги впереди паровоза, сам всё поймёшь со временем. Кто знает, может, еще увидишь ее сам.

- А если не увижу?..

- Тогда я тебе расскажу. А на сегодня хватит тебе, для твоего возраста итак слишком много я на тебя вывалил. Дарья узнает – убьёт своими руками...

Баба Дарья молча накормила нас блинами, после чего ушла в свою комнату смотреть какой-то сериал. Меня же распирало от вопросов:

- Дед, а тот Воевода, что я видел во сне – что это вообще было?..

- Наши сны очень сильны, а мы в них – еще сильнее. Мы можем переместиться на огромные расстояния, увидеть те места, в которых никогда не бываем в реальности. Наверное, ты просто увидел, как он шёл сюда.

- Скорее он был похож на злобного Деда Мороза, который вдруг вспомнил, что проспал Новый Год, а все подарки спёрла Снегурочка...

- Не злобного, а яростно идущего вперёд. Его же не все любят. Мы все хотим зимы, морозов, снега, но при этом хотим не вязнуть в сугробах и не падать на лёду. Знаешь, почему сейчас так много людей не хочет верить в Бога? А потому что Заповеди требуют не лгать, не воровать и так далее. Если веришь – значит, придётся признавать, что ты не прав. А если отрицаешь Его – то и все дурные поступки свои, вроде как, оправдываешь. Ведь куда удобнее

не делать добро, а признать добром все те гадости, что ты натворил. Только глупо это, как ни крутись – а попа сзади, зло – это зло, хоть белилами его облей, а чище оно не станет.

На этом разговор наш был закончен, я отправился спать. Сны мои были тревожными, какими-то непонятными. Я снова видел Воеводу, только теперь он стоял один посреди города, держа посох двумя руками, как меч во время битвы. И увидел я странный белый силуэт, крадущийся сзади. Это было похоже на старуху с длинными седыми волосами. В её руке был нож, она уже подняла его и кинулась на Воеводу, когда я успел выкрикнуть:

- Сзади!..

Огромный седой старик резко повернулся и снёс седую ведьму посохом, хоть она и задела его по руке. Капли алой крови лужами упали на снег, пропали и воевода, и ведьма, а в уши врезался странный стук. На секунду я увидел темноволосую девчонку, стоявшую чуть в стороне. И, готов поклясться, она тоже меня видела. Но уже в следующий миг я проснулся. Открыв глаза, я сел на кровати и понял, что этот стук из моего сна никуда не исчез. По окну и карнизу постукивал мелкий противный дождь. Выглянув в окно, я увидел потемневший местами снег – началась оттепель. Понял я и то, что мне тяжело встать с постели. Из горла вырывался кашель, меня страшно знобило. Добравшись до гостиной, я нашел аптечку и взял градусник. Вернувшись под одеяло, я не мог унять дрожь. Трясло меня так, словно я минут сорок находился на морозе. Градусник подтвердил: температура тридцать девять и три. Погулял вечером по сугробам! С моим хилым иммунитетом это было вообще сомнительным занятием...

Откопав в той же аптечке таблетку анальгина и аспирина, проглотил эту гадость и, запив стаканом воды, вернулся под одеяло. Вот тебе, блин, и каникулы... Наступившая оттепель «мутузила» меня морально куда сильнее, чем простуда – физически. Правда, от горячего чая с малиной и всего, что за день приготовила баба Дарья, я нередко забывал о своей болезни. Под вечер меня мучила лишь одна болезнь – в народе её зовут пережором...

Дед весь день где-то ходил, а вечер молчал. Уже перед самым сном, когда зоркое око его жены удалилось смотреть телевизор, он с легкой растерянностью в голосе проговорил:

- Я ничего не понимаю! За столько лет я каждую оттепель за сутки чую!

- Может, это глупо, но я видел ее начало – во сне. – И я рассказал ему про ведьму, ранившую Воеводу, но получившую посохом по репе. Дед смотрел на меня с изумлением, затем сказал и вовсе странную фразу:

- Наверное, именно так и должно быть, смена должна была появиться. Запомни, Соломон, следующая зима для тебя будет тяжела, как для меня все предыдущие. Ты таблетки сильно не ешь, не порть желудок, тебя скоро отпустит, а температуру Дарья тебе и так собьёт.

И тут мы услышали за окном лошадиное ржание. Дед схватил куртку и кинулся на улицу, я рванул следом. Провалившись по щиколотки в талый сугроб у подъезда, я увидел высоченную лошадь светло-серого окраса. Она смотрела на нас, а дед повел себя еще более странно. Он достал нож и отрезал небольшой клоч волос из ее гривы. Я хотел погладить лошадь, но она развернулась и поспешила прочь. Дед же взбежал по ступенькам с молодецкой прытью и подошел к «снежинке» на окне.

- Это должно помочь! – Он взял клоч конских волос и поджег их спичкой. От них исходил какой-то странный белый дым. Он должен был опалить снежинку и закоптить стекло, но вместо этого стекло под ней... покрылось слоем льда.

- Дед, что это была за лошадь? – Спросил я тогда.

- Соломон, завтра же уезжай домой! Опасно тебе пока здесь! Если меня через год не станет – на тебе это бремя! Но лучше его не бери! А девку ту, что во сне видел, обходи стороной! Даст Бог, я тебе когда-нибудь всё объясню! А пока – спать!..

- Но кто это? И что это была за лошадь? Или правильнее будет назвать это духом, призраком лошади?..

- Это не дух. Это был Год Лошади, который почему-то застрял здесь на все 12 лет. Через год он уйдёт, если Змея не убьёт его! А теперь – спать!..

В ту ночь сон ко мне долго не шёл, а если приходили сны – то какие-то тревожные. Видел лошадь, превращающуюся в человека без лица в длинном балахоне с капюшоном. Видел убегающую через лес ведьму, раненного Воеводу. На его лице застыла гримаса злости, его рана стремительно затянулась, он вновь взял посох и рванулся вперед, за ним с воем стали выскакивать из темноты снежные монстры.

Когда я открыл глаза, на улице было уже светло. Баба Дарья приготовила блины, а дед, по её словам, куда-то ушел ещё в пять утра. При этом он сказал, что уехал на три дня к заболевшему другу. Мне стало понятно, что эти лишь причина. Он что-то понял и явно от чего-то хотел меня уберечь. От чего именно – я так и не узнал, поскольку уехал уже в обед, а летом он умер накануне моего приезда.

Глава 3.

...Поезд приехал на станцию города Красный Лес – моя остановка. Почему назвали именно так – вопрос, деревьев красного цвета пока не заметил. Я вышел на перрон, и огляделся. В общем-то, встречать меня изначально никто не должен был, бабе Даше я по телефону сказал, что дойду сам. Дорогу я помнил хорошо, да и сам городок просто крохотный – где тут заблудиться?..

Смерть – странная штука. Был человек, ходил, разговаривал, а потом бац – и всё. Жизнь идёт дальше, но его уже нет. Кажется, ничего не поменялось, птицы как летали, так и летают, поезда как ходили, так и ходят, люди как жили, так и живут. А человека нет. Его смерть становится трагедией для небольшого числа людей – десяти, тридцати – и всё. Для остальных пары миллиардов ничего не поменялось. Я шел через город, тот же дворник, что ругал деда Витю за сугробы, мёл улицу – для него тоже ничего не поменялось. Впрочем, и зима начиналась аккуратно, как в прошлом году – на улицах была грязь, а вовсе не снег.

Баба Дарья заметно постарела за те полгода, что я ее не видел после похорон деда. К тому же, по ее нервам сильно ударила и смерть их пса Лаврика – хозяина он пережил ровно на девять дней, умерев утром в первую же годовщину. Это было ожидаемо, увы, после смерти деда Вити он перестал есть, а только смотрел куда-то вдаль. Словно ждал, что хозяин издалека махнёт ему рукой и позовёт за собой. Видимо, дождался...

- Как ты, Соломон? – Спросила баба Даша, поставив передо мной кружку чая.

- Да что мне сделается?.. – Хмыкнул я, - Учусь дома, этой осенью пробные контрольные писал в школе вместе со всеми, показал третий результат по математике, по русскому моё сочинение заняло первое место, хотя многим и казалось, что оно больше напоминает рассказ.

- Не хочешь в школу пойти?

- Нет, не хочу. – Покачал головой я, - Мне четырнадцать с половиной, через год сдаю экзамены, получаю аттестат за девятый класс – и поступаю куда-нибудь.

- Ещё не решил, куда хочешь пойти? – Она подлила мне ещё чаю.

- Пока точно не решил, но хочу пойти на ветеринара. Армия мне не грозит, на высшее сразу могу не поступать, среднее специальное могу получать спокойно. Сейчас идти в школу – стать где-то новичком. Да и все знают, что мой отец физрук, мать учитель русского и литературы. – Я отпил чай и кисло добавил: - И бабушка пять лет директором была. Наверное, я первый не учитель в нашей семье, Максим-то физрук будущий, как и отец.

- Сколько вас по материнской линии поколений педагогов было? – Улыбнулась баба Даша.

- Если вести отсчёт от времён Николая Второго, то уже поколений семь – это минимум! У нас же это при царском режиме началось, после революции продолжилось, хоть и школ тогда было не густо, и до сих пор не прерывается. А в школу сейчас пойти – это стать новичком в

восьмом классе. В техникуме все с нуля начинают, все новые, там мне и адаптироваться легче будет. Так что, еще год отдыхаю на домашнем обучении.

- Я хотела сегодня к Вите на могилу сходить, ты пойдёшь, или отдохнёшь с дороги? – Спросила баба Дарья, посмотрев на часы.

- А чего отдыхать, я вагоны не на себе тащил, да еще поспал в пути, так что особо и не устал. Да и я тоже хочу к нему на могилу сходить.

Через полчаса мы, пройдя вдоль железнодорожных путей и перейдя на другую сторону узкого моста, где с трудом расходились два поезда, уже шли по узкой тропинке к кладбищу. Чуть в стороне были старые могилы. Кресты и надгробья на многих из них покосились, некоторые могилы заросли бурьяном. Быть может, за ними просто некому было ухаживать, а может, про них забыли родственники.

- Здесь самоубийцу похоронили, хоть их положено за кладбищем закапывать. – Словно прочитав мои мысли, пояснила баба Даша, указав на запущенную могилу. – Родня от него отказалась. Мать за его могилой несколько лет ухаживала, потом сама ушла, а брат и сестра его проклинали, что по его вине мать умерла. И покончил с собой по глупости – невеста его из армии не дождалась! Он под поезд и сиганул...

- Под поезд? – Меня осенило. – Это...

- Да, это призрак, что показывал тебе Витя. Я знала, куда он тебя повёл, не хотела, чтобы он показывал тебе эти вещи. Но, вижу, что понял ты даже больше, чем он ожидал. Иначе Витя не отправил бы тебя домой так спешно. Испугался он за тебя, даже мне ничего толком не объяснил.

За разговорами мы вышли к могиле деда Вити. На фотографии он был лет на пятнадцать моложе, чем на момент смерти. Здесь он был с густой шевелюрой, обширная лысина на его голове еще даже не намечалась. Наверное, если бы я не знал, что это его могила, мог бы и не узнать его на фотографии.

Назад мы шли молча, каждый думал о своём. Мне так и вовсе в голову лезла всякая ерунда. Наверное, меня должна была заполнить тоска, горечь, но вместо этого лишь одна мысль не давала покоя: «Я должен попробовать!» Грязь под ногами и первое декабря на календаре были несовместимы, как рок-концерт и безголосый рэпер, ведь именно так всегда считал и покойный дед Витя. Как всё это сделать – я уже знал, дед показал весь этот простой принцип. Получится ли?..

- Ой, простите! – Услышал я, уже столкнувшись с кем-то, выходящим из-за автобусной остановки метрах в ста от дома. Подняв глаза, увидел высокую девчонку лет пятнадцати. Похоже, она просто нас не заметила, благо, что столкнулись мы не сильно.

- Ничего страшно, - отмахнулся я, но тут меня словно молнией шапхануло, отчего я невольно проговорил: - Как тебя зовут?..

Баба Даша лишь усмехнулась, решив, что таким неумелым способом я решил завести знакомство. На самом деле, у меня и мысли такой не было: просто я вдруг узнал её! Именно эту девчонку я видел во сне, когда ведьма ранила ножом Воеводу! А дед Витя предостерег меня даже близко к ней не подходить. Но характер мне достался упёртый, как компенсация за хилое здоровье. Правда, заводить знакомство с людьми я просто не умел, независимо от их пола.

- Вика, а тебя? – Улыбнулась незнакомка, мне же осталось только представиться:

- Соломон. – В этот момент я почувствовал себя полным идиотом. Мало того, что имя моё для большинства было весьма специфическим, и ассоциировалось обычно с царём Соломоном, так и сам я теперь не знал, что сказать.

- Необычно. – Заметила Вика, всё ещё улыбаясь. – Ты же не местный? Раньше тебя здесь не видела.

- К бабушке приехал, - Кивнул я, чувствуя себя пятилетним мальчиком, приехавшим «к бабушке». Интересно, я всегда буду так по-идиотски знакомиться?..

- Пошли, Соломон, или потом догонишь? – Поторопила меня изрядно замерзшая баба Дарья.

- Приятно было познакомиться! – Улыбнулась Вика.

- Мне тоже. – Ответил я, продолжив путь.

Когда мы уже подходили к дому, баба Дарья вздохнула:

- Теперь мне как-то неловко, что поторопила тебя, наверное, ты хотел пообщаться, а тут я со своим старческим ворчанием...

- Я не знакомиться с кем-то сюда приехал. – Отмахнулся я, - Просто принял ее за одну знакомую, но потом понял, что ошибся, а разговор завершать было как-то неудобно...

Пройдя ещё метров пятьсот, баба Дарья указала на большой ангар чуть вдалеке от нас:

- Там мы с Витей познакомились, раньше там завод был. Я фасовщицей работала, он – слесарем. У него там даже своя коморка была в уголке на втором этаже, иногда мог там и заночевать, если работы было много. Это потом он на железную дорогу ушёл, а я тут работала еще четырнадцать лет. Потом на пенсию ушла, а завод вообще закрыли. Сейчас стоит пустой, только продают его из рук в руки, лишь сторож один и тот же – больше никто идти туда не хочет, кроме Акимыча. А он и рад – украсть там нечего, пустое здание, зато зарплату получает и книжки сутками читает – у него ж всё равно бессонница!

Я посмотрел на внушительное трёхэтажное здание. Судя по его размерам, немало людей там раньше работало. Но выглядело оно серым и недружелюбным, наверное, ночью там сидеть я бы не хотел. Наверное, глупо бояться вещей, которые заведомо не опасны – но так уж мы устроены.

После ужина я заперся в своей комнате и прихватил с собой три белых салфетки. Вспоминая, как делал снежинки покойный дед Витя, я аккуратно вырезал подобные. Но меня не оставляло чувство, что чего-то им не хватает. Когда я повесил их на окно, что-то не давало мне покоя. Получились они местами просто филигранно, но мне казалось, что я состряпал лишь красивую подделку. Как искусственные бриллианты – смотрятся здорово,

а по сути – дешёвка. Именно дешёвку повесил на окно я. Красивую безжизненную дешёвку, от которой толку не больше, чем от тысяч подобных ей снежинок из салфеток, коих великое множество под Новый Год повесят на окнах детских садов и школ.

Меня взяло разочарование. Может, и дед вовсе ничего и не умел, а как ловкий фокусник сумел красиво всё преподнести? Или это я ни на что не способен? Ведь дело было не только в снежинке, но и особом даре, который был у него и который он разглядел во мне. Только как им «пользоваться» он не успел меня научить. Я посмотрел в окно: сырость, дождь моросит, зимой и не пахнет. И вдруг увидел её: Вика шла по нашей улице и тоже заметила свет в окне. Улыбнувшись, она помахала мне рукой, я в ответ помахал ей. Тогда она махнула мне, жестом показывая «Выходи»!

Наверное, впервые в жизни я особо не раздумывал. Да и чем еще было заниматься весь вечер? Странное знакомство должно было по закону жанра закончиться странным общением. Бросив бабе Даше фразу:

- Я подышать на ночь! – Я быстро спустился по лестнице на улицу и у самого подъезда едва не врезался в Вика. – Привет!

Сказал я это настолько спокойно и уверенно, словно был в этом деле матёрым асом. Хотя истинная причина была скорее в другом. В том, что я не очень-то боялся, что это знакомство может прерваться из-за какой-то моей оплошности. Не очень думал о том, какое впечатление на неё произведу. Да и мой интерес она вызывала скорее не как девушка, а как часть всей этой странной истории. И конкретно – того самого сна. Наверное, именно по этой причине и разговор начался с замученной веками фразы:

- Мне кажется, что я где-то видел тебя раньше – или я ошибаюсь? – Спросил я, глядя на нее с полуметра и точно понимая, что в том сне видел именно её.

- Быть может, во сне?.. – Усмехнулась Вика, вогнав меня в ступор. И как этих девчонок понять, шутка это была, или нет?..

- Может, и во сне. – Пожал плечами я, пристально глядя на неё, но Вика снова засмеялась и ответила новым вопросом:

- И что же в этом сне было? Только я? Или ты видел меня в образе Снегурочки?..

- Я видел тебя в твоём обличье, и то лишь мельком. К сожалению, главной в том сне была не ты, а раненый старой ведьмой Дед Мороз с озверевшим взглядом.

- Оооо, - Протянула Вика, - Интересные у тебя сны! Знаешь, не в обиду, странный ты немного!..

- Если немного – точно не в обиду! Это почти комплимент. – Сдержанно усмехнулся я, - Обычно слово «немного» сказать забывают.

За этим странным разговором мы прошли в другой конец улицы и вдруг слышали ржание лошади. Вот тут меня передёрнуло, я стал пристально вглядываться во тьму улицы, но увидел... обычную лошадь в повозке, везущую в поздний час сено.

- Ты первый раз в жизни увидел лошадь? – Удивилась Вика.

- Скорее, ожидал увидеть не совсем эту лошадь. – Кратко ответил я, после чего наступил в лужу. Кроссовок тут же промок, я тряхнул ногой, но понял, что носок тоже успел промокнуть. – Блин, как же эта слякоть опостылела!

- Не говори, зимы настоящей уже хочется, мороза – а нет их! – Вдохнула Вика, затем вдруг сказала, - Знаешь, первый раз я с парнем при первой прогулке говорю о лошадях, снах и зиме! Ты как будто с луны свалился!

- Да нет, как и все мы по земле хожу, только тропами другими.

- Ты надолго здесь? Может, завтра вместе прогуляемся на реку, здесь есть старая водяная мельница.

- Первый раз мне девушка предлагает свидание. – Отметил я.

- Первый раз я вижу парня, которого совершенно не могу понять. Ладно, беги сушить обувь, иначе завтра вместо меня встретишь бабушку простуду!

- А ты растопи получше печь, чтобы Дедушка Мороз за ночь не заморозил твой дом! Знаешь, он не всегда бывает добрым тихим старичком...

- Ты это о чём?..

- О том, что завтра придёт настоящая зима. Надеюсь, до вашей мельницы можно добраться по сугробам?.. – Хмыкнул я, чувствуя, что моя правая нога промокла насквозь.

- Мечтать не вредно, но прогноз обещает завтра плюс пять.

- Я тоже три года назад обещал себе выучить финский – увы, так этого и не сделал.

- Чудак ты, Соломон! – Улыбнулась Вика и вдруг чмокнула меня в щёку, - Завтра в одиннадцать я к тебе приду! Приятных снов!

С этими словами она быстрым шагом удалилась. Я же вихрем пронесся в квартиру и влетел в комнату. В голове крутились фразы деда Вити: «Есть у меня силы чудо вам показать!..» И я понял, чего не хватало мне, когда я повесил на окно «магическую» снежинку. Понял, какова на вкус эта магия, что давала ему силы. Это состояние радости, чего-то, что разрушает твою тоску и поднимает настроение, придаёт силы двигать камни. Порой эти эмоции не имеют особого повода, чтобы появиться, и понятны они только тебе. Но пока они бушуют в твоей душе – силы твои огромны! А главное – в твоей голове появляется слепая и несокрушимая уверенность: я это могу!..

Сбросив куртку и шарф, я подошел к окну и прижал правую ладонь к «снежинке». На мигновение мне показалось, что я ощутил от нее морозный холодок. Небольшим усилием я мысленно направил все свои эмоции, всю положительную энергию на эту снежинку, словно зарядил её своими силами. Напоследок меня словно встряхнуло, я отпрянул от окна и обвалился в кресло. Всё тело сковала усталость, захотелось просто лечь спать. Несмотря на то, что

до полуночи, когда я обычно ложился спать, было еще далеко, я на удивление быстро уснул. И сон мой был красочным и впечатляющим.

Огромный и свирепый Мороз-Воевода с войском снежных монстров шёл вперёд. Снежные вихри засыпали всё вокруг, от воя ветра закладывало уши. Мне показалось, что на миг Воевода увидел меня и разразился грозным хохотом. Затем пристально посмотрел, словно не узнал, но уже скоро повёл свою лютую рать вперёд.

Проснувшись под вой ураганного ветра, я этому сильно не удивился. Сев на подоконник, я наблюдал. Наблюдал за тем, как снег покрывает всё вокруг, снежинки, словно рой обезумевших пчёл, кружатся в свете старого фонаря. Смотрел и радовался тому, что зима наступила, явно не без проблем для большинства людей. Смотрел и ужасался тому, что причиной этого стал я сам. Смотрел и понимал, что раскрыл один из секретов деда Вити. Такой простой и оттого почти до невозможности сложный и непонятный. Один секрет. Один из множества, которое ещё ожидало меня впереди.

Глава 4.

Утром баба Дарья первым делом заглянула в мою комнату и увидела «снежинку». Она лишь молча покачала головой и пошла жарить блины. Она всё прекрасно поняла без слов. Поняла и приняла, как неизбежное. Поняла, что избежать этого было просто невозможно с того самого момента, как я вернулся сюда. Наверное, она не очень это всё одобряла, но не сказала мне ни слова.

- Могу лишь предположить, что домой ты пришёл в очень хорошем настроении. – Отметила она, наливая чай и накладывая мне блины. – Витя не ошибся, он сразу увидел, что ты способен усвоить это. Будь осторожен, многое о том, чем он занимался, не знаю даже я.

- Давно он этому научился? – Спросил я, посмотрев на часы. Через час должна была прийти Вика.

- Сколько его помню, он это умел. Вначале я принимала его за чудака, живущего в своём мире и лишь иногда являющегося к нам. А потом всё чаще стала замечать, что вещи, которые казались мне бредовыми, обретали реальные очертания с его помощью. С погодой он чудил всегда. На первое свидание меня пригласил тоже с её помощью. Помню, тогда тоже зима началась, и тоже неважная. Я долго его всерьёз не воспринимала, а Витя спор предложил: если через три часа снег пойдёт – иду с ним на свидание. Тогда я его снежинку, вырезанную из грубого бумажного листа, первый раз увидела. Еще решила, что он сумасшедший. Но когда снег пошел, мне пришлось уступить – проспорила ведь! И лишь когда он показал мне Быка – я поняла, что он вовсе не сумасшедший.

- Быка?.. – Не понял я.

- Многое он мог видеть и призывать в этот мир. Год быка наступал тогда, вот его-то дух Витя мне и показал. Я думала, что сама с ума сошла!

- Как это – показал?.. – Не понял я. Как бы много я за этот год не узнал, а перестать удивляться пока не получалось.

- Он знал, где их можно увидеть, каким-то странным образом чувствовал места их появления. Мы тогда пришли на какой-то заброшенный склад, я уж думала, что он точно не в себе, как вдруг из темноты возник силуэт. Он был похож на человека в длинном балахоне, только... только без лица. Вместо него было какое-то темное пятно. Я тогда испугалась, но Витя подскочил к этому человеку и ловко схватил за полу плаща и вскинул ее вверх. В тот же миг перед нами стоял огромный огненного цвета бык. Помню, тогда я была в ужасе, думала, что эта зверюга нас растерзает, но он просто посмотрел на нас и резко развернулся. Через мгновение это снова был лишь человек без лица, который просто растаял в воздухе. Тогда-то я и поняла, что Витя вовсе не чудака. Он знал очень много, просто всем его разговоры казались глупостью, ерундой. Много раз я просила его ни с кем об этом не говорить, но так уж он был устроен, он хотел рассказать об этом людям. А они за это считали его сумасшедшим. Даже родной сын до

сих пор не верит во всё это, а я... Я побоялась с ним об этом говорить. С одной стороны, я не хотела, чтобы он и меня считал ненормальной, а с другой, решила, что пусть уж лучше он живёт как все, и не знает всей этой зимней магии. А в тебе Витя сразу увидел тягу и способности. Он сказал, что не имеет права унести эти знания в могилу, но передать их может только тому, кто поверит в это и сумеет правильно действовать. Знать бы ещё, что ты должен делать?..

Она снова замолчала, затем посмотрела в окно и вдруг улыбнулась:

- А ты сердцеед! Бедная девчонка за тобой по сугробам пришла! Только не говори мне, что она просто так под окнами у нас стоит!

Я посмотрел на часы и спохватился: почти одиннадцать! Мы же договорились с Викой на одиннадцать!

- Она вся замёрзла, пригласи девушку на чай, я вам мешать не буду, мне все равно в магазин пора. – Предложила баба Даша.

- Мы погулять собирались... - Почесал я затылок.

- Соломон, пожалей свою поклонницу, я отсюда слышу, как она зубами стучит!

Я вышел на улицу, Вика беззаботно улыбнулась, словно и не замёрзла вовсе до костей. Хотя, глядя на неё, даже мне стало холодновато...

- Зайди в дом, если тебя не напоить чаем – пополнишь ряды свежих снеговиков! – Заметил я, а из подъезда как раз вышла баба Дарья. Вика не стала особо упираться и скоро уже сидела на кухне. Я налил ей кружку чая и спросил:

- Давно ждёшь?

- Не очень, просто оделась не по погоде, думала, будет намного теплее. Кто ж знал, что погода за каких-то шесть-семь часов так резко изменится! По телевизору сказали, что какой-то арктический циклон резко сменил направление и теперь весь припёрся к нам.

- За что ему огромное спасибо. – Хмыкнул я, сев напротив. Сразу бросилось в глаза, что волосы Вики стали заметно короче.

- Когда ты успела подстричься? Насколько я помню, мы довольно поздно разошлись по домам.

- Сама, перед зеркалом – я уже года два так стригусь. – Пожала плечами Вика, отхлебнув чай.

- Примета плохая, вроде как, сам себе жизнь укорачиваешь. – Заметил я.

- Я не верю в приметы, поэтому не боюсь чёрную кошку, несущую лестницу через осколки разбитого зеркала, в которое я смотрюсь, орудуя ножницами. – Улыбнулась Вика, затем сказала: - Спасибо за чай! Соломон, ты сильно торопишься увидеть нашу мельницу, или согласен сделать крюк по городу? Хочу одеть куртку потеплее, иначе точно стану одним из местных снеговиков, либо снегурочкой с печальной судьбой.

- Ничего не имею против. – Пожал плечами я, затем уточнил: - В смысле, ничего имею против «крюка» по городу, а не твоего превращения в снеговика...

Выйдя из дома, я полной грудью вдохнул свежий морозный воздух и тут же по колено провалился в сугробы. По пути нам встретился тот дворник, что ругал деда Витю за его колдовство. Увидев меня, он вдруг замер и долго ещё провожал нас с Викторией растерянным взглядом.

- Что это с ним? – Удивилась Вика, явно подмерзающая в легкой осенней куртке.

- Переутомился от работы, наверное – снега-то сколько! – Пожал плечами я, решив пока не обрушивать на её голову не вполне адекватную информацию. Как не крути, а поверить во всё это даже мне было не так уж и просто!

Мы дошли до её дома на окраине, который был уж очень неприглядным. Это было старое двухэтажное строение, выкрашенное лет двести назад в темно-зелёный цвет. Правда, почти треть штукатурки вместе с краской облетела, обнажив красную кирпичную кладку. На втором этаже часть окон были либо заколочены досками, либо затянуты полиэтиленовой плёнкой.

- Вот тут я и обитаю. – Пожала плечами Вика. – Понимаю, что дом страшнее смерти, да еще ведьмы на чердаке живут, но внутри не так уж и плохо.

- Ведьмы на чердаке? - Заинтересовался я.

- Слухи в нашем городке разные ходят про моих соседок, да и внешне одна из них реально на ведьму похожа. Хотя, на шабаше танцующей с козлом её не видела, врать не буду! Не хочешь на чай зайти?..

Не знаю, что больше мною двигало, желание не обидеть отказом или любопытство, но я вступил в нутро этого не самого внешне приятного дома. Изнутри он оказался ничуть не лучше, чем снаружи. Лестница была старой, деревянные ступеньки в середине были так продавлены, что идти по ним пришлось очень осторожно. Хотя пару раз носами ботинок я все равно зацепился...

Вика жила на втором этаже. Дверь, которую она отпёрла массивным ключом, явно была знакома ещё с прадедом Вики или, как минимум, его ровесниками. Дверь была когда-то деревянной, но затем её (наверное, желая утеплить), несколько раз оббивали листами ДВП или фанеры – не очень в них разбираюсь. Покрасили их либо наспех, либо просто не очень умело, да еще на низ, похоже, краски не хватило – если верх был салатовым, то низ просто светло-зелёным.

- Матери у меня нет, - Сказала Вика, проходя в довольно аккуратно прибранную прихожую, - Отец иногда появляется, у него своя семья давно. Раз в год в школе появляется, да летом в лагерь отправит – и то спасибо. Живу я здесь с бабушкой, но она постоянно в больнице, так что, хозяйничаю тут почти всегда я одна. У опеки претензий нет – учусь хорошо, учителя не жалуются – так что, «поход» в детдом мне пока не грозит.

В квартире было явно не жарко. От старых окон веяло холодом, маленькая печка, стоящая «лицом» в одной комнате и «спиной» в другой, обогревала больше себя саму, нежели квартиру. Мебель была, по большей части, очень старой, отдельно выделялись крутящийся офисный стул, новый компьютерный стол и, собственно, стоящий на нём компьютер. Сама комната Вики (вряд ли комп держала у себя в комнате её бабушка) была очень небольшой, максимум два на четыре. В уголке лежала сумка с надувным матрасом – лучший выход для экономии места. В большой комнате стоял ещё советской эпохи диван, два кресла из одного комплекта с ним, потерявший чёткость рисунка ковёр и, словно антипод всей комнаты – стоящий на круглом столике небольшой, но новый телевизор.

- Комп и матрас отец подарил, а телик бабушке сама купила, летом в парке нашем работала с мотокосой два месяца. – Вика вошла в крохотную кухню и щёлкнула электрочайник, - Извини, но что-то я совсем замёрзла, пока от вас шли. Чай будешь?..

- Не откажусь. – Кивнул я, поскольку в квартире было не жарко.

- Надо печку толком растопить, всё руки не доходят. – Вика быстро поставила две кружки и насыпала в них заварку и сахар.

Над нашей головой раздался какой-то скрежет, потом громкий надрывный смех. От него по спине невольно пробежал холодок.

- Бабка там безумная живёт. – Пояснила Вика, наливая в кружки кипяток. – Иногда кричит по ночам, может смеяться, может громко ругаться на весь дом, а может высунуться в окно и всю ночь песни голосить. Её сестра пытается иногда успокоить, часто слышу, как они ругаются. Иногда летом она вывозит ее на улицу. Правда, в этом ей помогают – безумная не ходит, её приходится выносить и сажать в кресло-каталку. Жуткая старуха! Один раз я проходила мимо, и она схватила меня за руку. Помню, она тогда сказала какой-то бред. Что-то вроде: «Я не могу, зато ты сможешь за меня!» Я тогда убежала, а потом всю ночь кошмарами мучилась, заболела. Болела неделю, а потом всё резко прошло. С тех пор, едва я её увижу издали – обхожу десятой дорогой!

- Да уж, замечательное соседство! – Вздохнул я.

- Я привыкла. Когда бабуля дома – кладу свой матрас в её комнате – вроде как веселее вдвоём. Когда одна дома – включаю негромко музыку на компе – какое-нибудь интернет-радио на всю ночь – и под него спокойно сплю. Да и не каждую ночь же бабка чудит, бывает и месяц её не слышно.

Попив чаю, мы вышли из квартиры и пошли по лестнице вниз, когда вслед нам донеслось:

- *Дедушка мороз,*

Посох окровавлен!

Что в мешке ты нам принёс?

Ирод окаянный!

А после этого странного «стишка» понёсся жуткий смех. Признаться, от него мне было не по себе. Сумасшедшие не могут себя контролировать и, наверное, делают это всё не со зла. Но столкнуться с этой безумной старухой мне бы очень не хотелось!

Глава 5.

Время было уже обеденное. По сугробам мы снова пересекли город, который уже успели немного почистить. Правда, теперь пешеходы ходили по городу, как поезда по рельсам, стараясь идти строго по очищенным от снега дорожкам. Пару раз мы прокладывали себе новые тропы, чтобы встречный поток пешеходов не сбил нас. У противоположной окраины, не так далеко от дома бабы Дарьи, народу было поменьше, а дворники попадались более работающие, расчистившие дорогу больше, чем на ширину одной лопаты. Мы спокойно прошли по тротуару почти до самой набережной.

Здание полуразваленной мельницы увидели издалека. По высоте оно было не меньше трех этажей, хотя около трети его уже обвалилось от времени. Возле самой мельницы река была перегорожена высокой кирпичной плотиной. Благодаря ей получился эдакий водопад метра два в высоту. Возле самой мельницы была выемка в плотине, в которой находилось колесо, приводящее в движение от воды всё нутро мельницы. Теперь, правда, самого колеса не было, осталась лишь «брешь» в плотине, через которую проходил мощный водяной поток.

- Сколько раз её ремонтировать собирались. То мельницу тут снова сделать, то электростанцию – так всё в одной поре и осталось. – Сказала Вика.

Мы прошли внутрь этих развалин, хотя огромные балки перекрытий и заставляли постоянно поглядывать вверх. За этим «изучением» прошло около часа, мы даже осторожно забрались на второй этаж, хотя пол там больше напоминал решето с дырами метр на метр. Поняв, что пора уже уходить, мы так же осторожно спустились на первый этаж и пошли к выходу.

Но тут я услышал до боли знакомый звук. Как я уже говорил, я не один год занимался верховой ездой, отчего лошадей знаю лучше, чем собак и кошек. Когда они волнуются или просто хотят привлечь ваше внимание, то издают звук, похожий на смесь приглушенного ржания и словно бормотания. Именно это услышал я за спиной. Обернувшись, я увидел в темном углу мельницы силуэт. Он больше всего напоминал человеческий, вернее, человека в длинном балахоне и... без лица. Я шагнул в его сторону, но Вика вцепилась мне в плечо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.